

Генри Райдер Хаггард

Жемчужина Востока

*Часть сборника
Копи царя Соломона (сборник)*

Генри Райдер Хаггард Жемчужина Востока

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125840*

Копи царя Соломона: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-15328-2, 5-699-15328-4

Аннотация

Палестина первого века после Рождества Христова, от правления Агриппы до падения Иерусалима, – хронологические рамки романа «Жемчужина Востока», в котором разворачивается любовная история христианки Мириам и римского центуриона Марка.

Содержание

Глава I	4
Глава II	17
Глава III	28
Глава IV	38
Глава V	46
Глава VI	56
Глава VII	68
Глава VIII	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Генри Райдер Хаггард

Жемчужина Востока

Глава I

В тюрьмах Цезарей

Два часа ночи, но в Цезарее, на Сирийском побережье, многие еще не спят. Ирод-Агриппа, милостями Рима ставший царем всей Палестины, достигший апогея своей власти, давал великолепный праздник в честь императора Клавдия. На его призыв поспешили все важные и влиятельные лица страны, город наводнили десятки тысяч людей. Весь город переполнен прибывшими со всех концов Палестины. Берег моря пестреет палатками и шалашами, в которых ютятся те, кому не нашлось места ни в гостиницах, ни в заезжих дворах, ни в частных домах обывателей. Весь город кипит как муравейник, и, хотя в данный момент шум, говор, крики и звуки музыки замерли над городом, толпы пирующих гостей, еще увенчанных розами, теперь уже помятыми и поблекшими, возвращаясь к себе на ночлег, проходят по улицам с громкими песнями и смехом, а те, которые еще достаточно трезвы, обсуждают подробности игры в цирке, на которых они только что присутствовали.

Заключенные в мрачных, каменных тюрьмах, которые возвышаются на холме, разделенные на несколько отдельных крытых дворов, обнесенных общей высокой стеной и глубоким рвом, могли слышать, как работали внизу, у подножия холма, в амфитеатре, чернорабочие, готовя цирк и арену к завтрашнему зрелищу. Эти звуки интересовали несчастных: ведь назавтра они сделаются действующими лицами на этой арене.

На переднем дворе тюрьмы толпились около сотни так называемых преступников или злодеев, по преимуществу евреев, обвиненных в каких-нибудь политических проступках. Они должны будут завтра сразиться в цирке с дикими арабами, детьми пустыни. Их будет вдвое больше, они будут вооружены громадными копьями и мечами: арабы захвачены во время их пограничных набегов. Двадцать минут безоружные, но одетые в тяжелые панцири и снабженные большими щитами евреи должны бороться против вооруженных арабов, после чего тем из них, кто останется жив и не струсит малодушно в бою, равно арабам и евреям, обещана свобода. Действительно, милостивым декретом царя Агриппы, человека, не любящего бесполезного кровопролития, вопреки обычаям того времени, даже раненым даровали жизнь, если находились люди, желающие ухаживать за ними.

В другом большом дворе, в громадном пустом зале, содержались другие заключенные, не более 50 человек. В глубоких нишах и гротах этого обширного зала они имели воз-

возможность уединяться. Здесь находились восемь-десять хилых стариков, женщины и дети разного возраста. Остальным мужчинам, сильным и молодым, отводилась роль гладиаторов, как было сказано выше. Все они, за немногими исключениями, принадлежали к новой секте христиан, последователей некоего Иисуса, который, по слухам, лет 15 тому назад был распят как человек беспокойный, возмущавший народ и восставший против властей по приказанию римского правителя Иудеи Понтия Пилата. Впоследствии и сам прокуратор впал в немилость и был сослан в Галлию, где и покончил жизнь самоубийством. Этот Пилат не пользовался большой популярностью среди иудеев, так как он завладел сокровищами Храма Иерусалимского и употребил их на сооружение акведуков, что вызвало сильное возмущение в народе. Во время бунта многие были убиты. Но теперь о нем почти совершенно забыли. Зато память о распятом им демагоге Иисусе жила повсюду; многие почитали его за Бога, проповедуя от его имени какое-то новое учение, совершенно противное всем законам и обычаям страны и крайне ненавистное всем существующим сектам иудеев.

Фарисеи и саддукеи, зилоты, левиты и священники — все единогласно восставали против этого учения, увещевая Агриппу истребить «этих вероотступников, проповедующих народу, что обещанный иудеям Мессия, Небесный Царь, который должен ниспровергнуть владычество Рима и сделать Иерусалим столицей мира, уже приходил в образе простого

плотника-проповедника, но его не признали, и он погиб, как преступник».

Агриппа же, подобно всем высокообразованным римлянам того времени, с которыми он постоянно поддерживал самые тесные отношения и среди которых постоянно вращался, не исповедовал никакой религии. В Иерусалиме, угождая народу, он украшал храм и приносил жертвы Иегове, а в Берите украшал храм и делал жертвоприношения Юпитеру. С каждым человеком он был тем, кем ему было приятно, наедине же с самим собой превращался в ленивого и сладострастного сына своего века. О христианах он никогда много не думал и нисколько не интересовался ими, но влиятельные и приближенные к нему евреи прожужжали ему уши, и хотя среди этих христиан не было ни одного сколько-нибудь важного, уважаемого и знатного лица, а все какие-то незначительные, жалкие людишки, которых можно было безнаказанно преследовать, он решил в угоду иудеям преследовать их, но делал это без всякой злобы, без всякого желания. Одного из этих христиан, Иоанна, ученика Распятого, приказал схватить и распять в Иерусалиме. Другого, Петра, великого проповедника, горячего и убежденного, он бросил в тюрьму, а многих из их последователей убивал и держал в тюрьмах для цирковых игр. Женщин, молодых и красивых, он продавал в рабство, пожилых же матрон и старух кидал диким зверям.

Такая участь ожидала на следующий день находившихся в

большом, мрачном зале тюрьмы, как было объявлено в программе увеселений. Завтра после битвы гладиаторов и других цирковых игр 60 престарелых, хилых и ни к чему не пригодных христиан и малых ребят, которых никто не пожелал купить, выгонят на арену амфитеатра и выпустят на них тридцать голодных львов и других диких зверей, уже заранее разъяренных запахом крови. Но и тут Агриппа не преминул показать свою мягкосердечность. Он приказал всех, кого львы и другие дикие звери откажутся растерзать и порвать, одеть, снабдить небольшой суммой денег и выпустить на свободу.

Таковы были времена: подобные зрелища, как кормление диких животных женщинами, старцами и детьми, являлись излюбленным развлечением общества. Большие суммы денег ставились в заклад относительно того, сколько из несчастных останется в живых или сколько будет растерзано зверями. При этом почти всегда пускался в ход подкуп: некоторые ставили на то, что уцелеют лишь очень немногие, и подкупали солдат и сторожей для того, чтобы последние опрыскивали волосы и платье несчастных жертв валериановым отваром или настойкой: запах валерианы возбуждает якобы аппетит этих громадных кошек. Другие, ставящие на сравнительно большое число, путем более крупных подкупов заставляли тех же солдат и тюремщиков проделывать над несчастными жертвами другого рода манипуляции, будто бы возбуждавшие отвращение у львов. Личность осужден-

ного, конечно же, не играла в глазах этих азартных игроков никакой роли.

В тени одного из сводов второго двора, близ железной решетки ворот, у которых мирным шагом расхаживали часовые с длинными копьями в руках, сидели две женщины. Совершенно молодая, несомненно еврейка, прекрасная, но исхудавшая и измученная, явно знатного происхождения, была Рахиль, вдова Демаса, богатого греко-сирианина, единственная дочь известного всей стране родовитого еврея Бенони, богатейшего торговца в Тире. Другая женщина в молодости была похищена еврейскими торговцами и продана в рабство. Это была чистейшей крови арабка с Ливийских берегов, без малейшей примеси негритянской крови, о чем свидетельствовал и ее стройный, гибкий и сильный стан, и медно-желтый цвет ее кожи, и густые, длинные, прямые, черные как смоль волосы, и гордый и непокорный взгляд огневых глаз. Все ее лицо даже здесь, в тюрьме, дышало гордостью и неустрашимостью; что-то дикое и свирепое угадывалось в ее лице, но когда взгляд ее останавливался на молодой женщине, лежащей подле нее, чувство невыразимой нежности и тревоги отражалось в ее чертах. Женщину звали Нехушта (по-еврейски «медь»). Это имя дал ей Бенони много лет тому назад, когда он купил ее на базарной площади Тира. На родине же она носила имя Ноу. Покойная госпожа ее, супруга Бенони, и дочь его, прекрасная Рахиль, всегда называли ее так. Сидя на земле, Рахиль мерно раскачивалась из стороны в сторону;

закрыв лицо руками, она молилась, Нехушта же, сидя подле нее на корточках, неподвижно смотрела куда-то в пространство.

Ночь спустилась тихая, лунная.

– Это наша последняя ночь на земле, Ноу! – проговорила Рахиль, отняв руки от лица и взглянув на звездное небо. – Странно как-то подумать, что мы никогда больше не увидим ни этого ясного месяца, ни этих мерцающих звезд!

– Как знать, госпожа, – отозвалась Ноу, – но я, во всяком случае, не намерена умереть завтра и не дам умереть тебе. Я не боюсь львов, детей моей родной пустыни, они мне братья, и их рев убаюкивал меня, когда я была ребенком. Мой отец, вождь нашего племени, назывался повелителем львов, так как умел укрощать их, и я дитятей кормила их из рук. Они же ходили за нами, как псы!

– Но ведь те львы давно погибли, а другие не знают тебя!

– Все равно они почуют родную кровь, узнают дочь повелителя львов! Говорю тебе, госпожа, они могут растерзать всех, но нас с тобой не тронут!

– Нет, Ноу, я не могу этому верить! Завтра мы умрем ужасной смертью, чтобы Агриппа мог почтить своего господина – цезаря!

– Госпожа, если ты не веришь, что звери пощадят нас, то лучше умереть сейчас, по своей доброй воле, чем быть растерзанными ими для увеселения подлой толпы. Смотри, у меня в волосах спрятан смертельный яд, он действует и быст-

ро, и безболезненно! Выпьем его, и все будет кончено!

– Нет, Ноу, я не могу наложить на себя руки, да если бы и могла, то не вправе распорядиться жизнью моего еще не родившегося ребенка!

– Умрешь ты, госпожа, – умрет и он. Не все ли равно, когда – сегодня или завтра?

– Да, но кто может предвидеть, что случится завтра? Быть может, Агриппа умрет, а мы с тобой спасемся, и мой ребенок будет жить: все в воле Божьей, пусть же Бог и решит его участь!

– Ради тебя я стала христианкой и верю, как могу, в то, чему нас научили. Но в моих жилах течет буйная кровь; я горда, сильна и хочу всегда повелевать судьбой, а не покоряться ей. Пока я жива, когти льва не коснутся твоего нежного тела, я скорее заколю тебя своим ножом, а если у меня отнимут нож, расшибу твою голову о столб на арене на глазах у всех!

– Не принимай греха на свою душу, Ноу! – сказала кротко ее госпожа.

– Что мне эта душа? Моя душа – это ты, свет очей моих, ты, которую я качала в колыбели, которой я своими руками готовила брачное ложе. Своими руками я хочу дать тебе легкую, быструю смерть, чтобы спасти от худшей смерти, а затем скажу себе, что честно исполнила свой долг, и умру подле твоего бездыханного трупа, до конца верная тебе и клятве, данной твоей покойной матери. А тогда пусть Бог или сам сатана делают с моей душой что им угодно, мне все равно!

– Ты не должна так говорить, Ноу! – кротко заметила Рахиль. – Я бы охотно умерла, чтобы скорей соединиться с моим возлюбленным супругом, если бы мое дитя получило жизнь хоть на час. Тогда я знала бы, что мы все четверо пребывали бы вместе в царстве Божьем; я говорю «четверо», так как ты, Ноу, мне дорога наравне с моим мужем и ребенком...

– Не может этого быть, и не хочу я этого! – пылко воскликнула Нехушта. – Я невольница, пес, лежащий под столом у ног своих господ... О, если бы я могла спасти тебе жизнь! С какой радостью показала бы я им, как презирает их муки и как умеет умереть дочь пустыни, дочь своего отца! – Глаза арабки загорелись гневным огнем; она заскрежетала зубами в бессильной злобе, но вдруг в порыве страстной нежности к своей госпоже она стала покрывать лицо, руки и плечи молодой женщины горячими, порывистыми поцелуями, а затем разразилась тихими, душу потрясающими рыданиями.

– Слышишь, Ноу, – сказала Рахиль, ласково проведя рукой по ее волосам, – как ревут львы в своих логовищах, в пещере под этим залом?

Нехушта подняла голову, прислушалась, и лицо ее прояснилось от глубокой сердечной радости. Эти потрясающие своды зала могучие звуки львиного рыка воскрешали в ее душе картины далекой родины, будили дорогие воспоминания, говорили ей о свободе и беспредельной пустыне.

– Их девять, – сказала Нехушта уверенно, – и все бородастые, царственные львы, старые самцы, могучие и величе-

ственные. Слушая их, я молодею; я чую запах родной пустыни и вижу порог отцовского шатра... Ребенком я охотилась на них, теперь они отплатят мне тем же: настал их час!

– Воздуха! Мне душно! Душно! – вдруг крикнула молодая женщина и без чувств упала на землю подле своей служанки. Та подняла ее, как малого ребенка, на руки и с своей драгоценной ношей направилась к фонтану, плескавшемуся посредине двора. Его холодная струя вскоре оживила Рахиль. Некогда эта мрачная тюрьма была дворцом, и это место у фонтана было красиво и удобно: в его прохладе стояли каменные скамьи, и на одной из них расположилась теперь Рахиль. Нехушта села на землю у ее ног. Вдруг чугунная решетка калитки, проделанной в воротах тюремного двора, раскрылась – несколько мужчин, женщин и детей вошли во внутренний двор, понукаемые свирепыми сторожами.

Позади всех, опираясь на костыль, с трудом плелась седая сторбленная старуха в темной одежде.

– Спешите попасть на завтрак львам, друзья христиане! – издевался очередной тюремщик, пропуская в калитку вновь прибывших. – Спешите вкусить вашу последнюю вечерю согласно установленному вами обычаю! Там вы найдете вина и хлеба вдоволь. Наедайтесь перед тем, как сами будете съедены без остатка!

– Не кощунствуй, – обратилась к нему старушка, – я, Анна, которой Бог дал дар прорицания, говорю тебе, веротступнику: ты сам был последователь Христа, уже вкусил

свою последнюю трапезу здесь, на земле, и вскоре представишь пред судом Божиим!

Вне себя от бешенства, тюремщик выхватил из-за пояса нож и хотел ударить им старую Анну, но одумался и, сердито хлопнув калиткой, вышел. Он знал, что Анна обладала даром пророчества, и слова ее звучали у него в ушах смертным приговором. Старуха же поплелась дальше вслед за своими спутниками.

– Мир тебе! – приветствовала Рахиль, подымаясь и приветствуя Анну, когда та проходила мимо фонтана. Нехушта последовала ее примеру.

– Именем Христа мир вам! – ответила старая женщина.

– Мать Анна, ты не узнаешь меня? Я – Рахиль, дочь Бенони!

– Рахиль?! Как же ты, дочь моя, попала сюда?

– Тем путем, каким идут все последователи Христа! Но ты утомлена, присядь!

– Спасибо! – Анна медленно, с помощью Ноу опустилась на каменные ступеньки фонтана.

– Дай мне напиток, дочь моя, путь наш был долог, и меня томит жажда!

Рахиль зачерпнула воды горстями своих тонких, красивых рук и напоила из них Анну.

– Хвала Богу за эту живительную влагу и хвала Богу за то, что я вижу дочь Бенони прозревшей и уверовавшей во Христа! Мне говорили, что ты стала женой купца Демаса!..

– Да, была женой, стала вдовой: они убили его шесть месяцев тому назад в амфитеатре в Берите! – И молодая женщина залилась горькими слезами.

– Не плачь, дочь моя, скоро ты свидишься с ним! Смерть не должна страшить тебя!

– Смерти я не боюсь, мать Анна, но ты сама видишь, что я готовлюсь стать матерью, и в нем, моем ребенке, все мое горе: я плачу о том, что ему не суждено увидеть света Божьего. Родился бы он, я знала бы, что все вместе мы встретимся в славе и блаженстве вечном. Но теперь этому не бывать!

Анна взглянула на нее глубоким, пронизательным взглядом:

– Разве и ты, дочь моя, обладаешь даром прорицания, что с такой уверенностью говоришь: «Этого не будет!»? Будущее в руках Господа! Господа! И царь Агриппа, и твой отец, и римляне, и жестокие еврейские начальники, и мы, обреченные стать пищей хищным зверям, – все в руках Божьих, и что Им назначено, то и будет! Прославим же и возблагодарим Господа!

– Дух бодр, но плоть немощна! – скорбно заметила Рахиль. – Но слышите, наши братья и сестры зовут нас к Трапезе любви и принятию Святого причастия! Пойдемте! – И она направилась под тень мрачных сводов зала.

Нехушта задержалась, чтобы помочь Анне подняться на ноги. Наклонившись к самому уху пророчицы, она прошептала:

– Мать, тебе дал Бог дар пророчества, скажи же мне, ее ребенок родится в мир?

Анна возвела глаза к небу и тихо, вдумчиво произнесла:

– Младенец родится и проживет многие годы. В этот день никто из нас не умрет от кровожадных хищных львов, но все-таки твоя госпожа вскоре соединится со своим супругом. Вот почему я и не высказала ей того, что у меня на душе!

– Тогда лучше всего умереть и мне. Я умру и там буду служить своей госпоже! – решила Нехушта.

– Нет, Нехушта, – возразила Анна строго и наставительно, – ты останешься охранять ребенка, ты воспитаешь его вместо матери и впоследствии перед своей госпожой отчитаешься.

Глава II

Глас Божий

Высока была цивилизация Рима. Его законы, его гений не умерли и сейчас; его военное искусство и государственная система и теперь еще вызывают удивление; его великолепные, грандиозные здания, развалины которых уцелели местами, – образцы строительного искусства. А между тем этот самый Рим не знал ни жалости, ни сострадания. Среди великолепных величественных его развалин мы не находим ни одного госпиталя или богадельни, приюта для престарелых или сирот. Эти человеческие чувства были совершенно незнакомы гражданам Рима, находившим удовольствие, забаву и наслаждение в муках и страданиях себе подобных людей.

Царь Агриппа по мыслям и понятиям, по вкусам и привычкам – истинный римлянин. Рим был его идеалом, а идеалы Рима – его идеалами!

Стояло жаркое время года. По распоряжению Агриппы игры в цирке должны были начинаться рано и заканчивались за час до полудня. Уже с полуночи толпы народа устремились в амфитеатр занимать места. Несмотря на то что последний вмещал свыше 20 000 человек, оказались занятыми все уже за час до рассвета. Только места, предназначен-

ные для Агриппы и его приближенных, его почетных гостей, оставались пока еще пустыми.

Под темными сводами большого зала тюрьмы вокруг длинного, ничем не покрытого стола собрались осужденные христиане. Старые и малые сидели на скамьях, остальные толпились вокруг. На главном месте стоял почтенный старец – христианский епископ, долгое время щадимый преследователями из уважения к его преклонным летам и высокой нравственности. Но теперь, видно, и его час пробил.

Хлеб и вино, смешанное с водою, были освящены, и все вкусили от них. Затем епископ всех благословил и растроганным голосом провозгласил: «Радуйтесь, братья и сестры мои во Христе! Сегодня день великой для всех вас радости; мы вкусили истинную Трапезу любви и, подобно Господу нашему, можем сказать теперь: «Мы будем пить от плода сего виноградного новое вино в царстве Царя нашего Небесного!» Все мы сбросим с себя тяготы жизни земной, все тревоги, волнения и страдания и вступим в вечное блаженство! Возблагодарим, прославим Бога и возрадуемся великою радостью! Пусть когти и пасти львов не страшат вас, и расставание с жизнью не смущает покоя души; другие возьмут из рук ваших светоч спасения и понесут его вместо вас. И разольется свет учения Христа на весь мир. Возрадуемся же и возвеселимся в этот день!»

И все воскликнули: «Радуюсь!», даже дети. Затем все в молитве и славили, и благодарили Бога, а в заключение епи-

скоп благословил их во имя Святой Троицы. Едва приговоренные окончили свое богослужение, как железная решетка ворот распахнулась, и главный тюремный страж со своими помощниками приказали им идти в амфитеатр. У ворот тюремные стражи передали осужденных солдатам, под конвоем которых те двинулись попарно с епископом во главе по узкой, темной улице между двумя высокими каменными стенами к боковому входу на арену цирка. Проходя узкую калитку, христиане по знаку епископа запели хвалебный псалом. С пением вошли они на арену за особую загородку в противоположном царскому балкону конце амфитеатра и заняли места на особой низкой эстраде.

До восхода солнца оставалось еще около часа. Луна уже зашла, и весь амфитеатр погрузился во мрак. Лишь там и сям горели факелы. Два больших бронзовых светильника освещали по бокам пышный трон Агриппы, еще пустой. Этот мрак подавлял присутствующих: никто не кричал, не смели даже громко говорить. Вместо обычных в таких случаях криков «Песье мясо!» и насмешливого требования чудес при входе христиан собрание безмолвно следило за ними глазами. И только шепотом зрители передавали друг другу: «Смотрите, это христиане!», «Осужденные христиане!»

Разместившись на своих местах, христиане снова запели свой тихий гимн, и собравшийся народ, точно заколдованный, слушал их со вниманием, почти с благоговением. Когда осужденные допели свою хвалебную песнь и последний

звук их голосов замер в густом полумраке амфитеатра, старец-епископ, движимый вдохновением свыше, встал и обратился к собравшемуся народу. Как ни странно, вся многочисленная толпа слушала его, ни один голос не поднялся, чтобы прервать или осыпать насмешками и издевательствами, как это обыкновенно бывало в подобных случаях.

Быть может, его слушали только потому, что время томительного ожидания казалось не таким долгим, а удручающий мрак не так тяготил присутствующих: вниманием их овладел невидимый оратор, голос которого звучал ласково и призывно.

– Замолчишь ли ты, старик? – вдруг крикнул тот веротступник, которому пророчица Анна предсказала близкую смерть. – Не смей проповедовать свою проклятую веру!

– Оставь его, пусть говорит, – послышались голоса из толпы. – Мы хотим слышать его повесть! Говорят тебе, оставь его, не мешай ему!

И старик продолжал свою простую, но трогательную речь с увлекательным красноречием и удивительной силой убеждения. Он говорил почти час, и никто не решился прервать его.

– Эти люди лучше нас. Почему они должны умереть? – послышался вдруг из дальних рядов чей-то голос.

– Друзья, – ответил проповедник, – мы должны умереть, такова воля царя Агриппы. Но вы не сожалеете о нас: это день нашего радостного возрождения для новой, вечной

жизни. Сожалейте лучше о нем, так как с него взыщется за кровь нашу и всю кровь, пролитую им во дни его царствования. Смерть, которая теперь так близка к нам, быть может, еще ближе к некоторым из вас! Меч Господен ежечасно может сделать этот трон пустым. Глас Господен может призвать царя к ответу! Какой же ответ даст он Всевышнему судье? Оглянитесь кругом. Уже те беды, о которых Распятый вами предупреждал, висят над головами вашими; близко то время, когда из собравшихся здесь ни одного не останется в живых. Покайтесь же, пока еще есть время! Говорю вам, последний суд ваш близок! И теперь, хотя вы не можете этого видеть, Ангел Господен летает над вами и вписывает ваши имена в книгу живота или смерти. Пока есть время, я буду молиться, братья, за вас и за царя вашего! Мир вам, братья мои и сестры мои, мир вам!

Так старец говорил, и впечатление от его слов так неотразимо было, так сильно, что тысячи голов поднялись вверх, чтобы увидеть того Ангела, о котором он говорил. И вдруг сотни воскликнули, сотни рук указали на небо, бледным шатром нависшее у них над головами:

– Смотрите! Смотрите! Вот он, его Ангел!

Действительно, что-то белое бесшумно парило в небе, то появлялось, то скрывалось, затем как будто спустилось над тронном Агриппы и исчезло.

– Безумные! Да это просто птица! – крикнул кто-то.

– Да будет угодно богам, чтобы то был не филин! – ото-

звались голоса.

Все знали историю Агриппы и филина. Ему предсказали, будто дух в образе этой птицы вновь явится ему в его последний час, как и в час его торжества.

Но вот со стороны дворца Агриппы послышались звуки трубы, и глашатай с высоты большой восточной башни сообщил, что солнце поднимается из-за гор, и царь Агриппа со своим двором и гостями сейчас прибудет в амфитеатр. Наэлектризованная толпа, привыкшая трепетать при имени Агриппы, замерла в радостном ожидании, мгновенно забыв проповедь епископа и предсказанные им бедствия.

И вот тяжелые бронзовые ворота триумфальной арки широко распахнулись, и под громкие, торжественные звуки труб Агриппа в роскошном царском одеянии, окруженный своими легионерами, вошел в амфитеатр. По правую его руку шел Вибий Марс, римский проконсул Сирии, а по левую – Антиох, царь Коммагены, за ним следовали другие цари и принцы, влиятельнейшие люди его страны и других стран.

Агриппа сел на свой золотой трон под громкие приветственные крики толпы. Гости разместились вокруг него. Снова пропели трубы. Это был знак, чтобы гладиаторы и эквиты, т. е. те, которые будут сражаться верхом на конях, выстроились и прошли церемониальным маршем мимо царской ложи и перед смертью приветствовали своего повелителя. Осужденных христиан тоже вывели в *rodium*, приказали им построиться по двое в ряд позади пеших борцов, выждать

очередь и пройти вслед за ними, чтобы приветствовать царя согласно обычаю словами: «Хвала тебе, царь, идущие на смерть приветствуют тебя!» Но царь ответствовал на это безучастной улыбкой. Толпа же выражала криками свое одобрение. Наконец пошли христиане – эта жалкая вереница хилых старцев, испуганных детей, цепляющихся за платья матерей, бледных растрепанных женщин в жалких рубищах. Та самая толпа, что в полумраке амфитеатра безмолвно внимала им, теперь ободренная бледным светом родившегося дня, звуками трубы и присутствием могущественного Агриппы, стала осыпать их насмешками и издевательствами. Вот христиане поравнялись с царским тронном, и толпа закричала: «Приветствуйте Агриппу!» Епископ возвел руки к небу и взглянул на царя, остальные молчали.

– Царь, мы, идя на смерть, прощаем тебя! Да простит тебя Бог, как мы тебя прощаем! – послышался его тихий голос.

Еще минуту назад толпа смеялась и хохотала, но тут все вдруг смолкло, и Агриппа нетерпеливым жестом велел им проходить дальше. Только Анна, очень старая и слабая, не могла успевать за остальными. Поравнявшись с царским балконом, она и совсем остановилась. Хотя стражи кричали ей: «Проходи, старуха! Ну, живее!», она стояла неподвижно, опершись на свою длинную палку и упорно смотря в лицо Агриппы. Почувствовав на себе ее взгляд, он обратил свой взор в ее сторону, и глаза их встретились. При этом все заметили, что Ирод побледнел. Анна с усилием выпрямилась и,

стараясь удержаться на дрожащих ногах, подняла костыль и указала им на золотой карниз балдахина над головою Агриппы. Все присутствующие обратили туда свои взоры, но никто не мог ничего разглядеть, так как карниз еще оставался в тени. Но, казалось, Агриппа увидел там что-то, ибо, поднявшись, чтобы объявить игры открытыми, он вдруг тяжело опустился на свое место и погрузился в глубокое раздумье, которого никто не смел нарушить. Анна же, опираясь на свой костыль, медленно поплелась вслед за остальными, которых теперь вновь водворили на прежние места, откуда они должны были наблюдать смерть своих родных, христианских борцов-гладиаторов.

Наконец с явным усилием Агриппа поднялся на ноги, и в этот момент первые лучи восходящего солнца упали прямо на него. Это был высокий, благородного вида мужчина, величественный и прекрасно сложенный, в красивой, богатой одежде. Многотысячной толпе, обратившей на него взоры, он казался лучезарно прекрасным в своем серебряном венке и серебряном панцире, в белой тоге с серебром, весь залитый солнцем.

– Именем великого цезаря и во славу цезаря объявляю игры открытыми! – произнес он звучно и громко.

И, точно под влиянием какого-то неудержимого импульса, вся многотысячная толпа закричала, пьянея от звуков собственных голосов: «То голос бога! Голос божественного Агриппы!»

Царь не возражал; он упивался этим поклонением. Он стоял в лучах солнца, гордый, счастливый, самодовольный. Милостивым жестом он простер руки вперед, как бы благословляя эту боготворившую его толпу. Быть может, в эти минуты в памяти его воскресло воспоминание о том, как он, жалкий, бездомный, изгнанный отцом, вдруг вознесся до такой высоты, и в душе его на мгновение мелькнула безумная мысль, что он в самом деле бог.

Вдруг Ангел Господен сразил его в его гордыне: невыносимая боль сжала, точно тисками, его сердце, и Ирод вдруг понял, что он простой смертный человек и что смерть стоит за его спиной.

– Увы, народ мой! Я не бог, а простой человек, общечеловеческая участь уготована и мне! – воскликнул он. И в этот самый момент большая белая сова, появившись над его головой, улетела через открытое пространство над ареной амфитеатра.

– Видите! Видите! – продолжал он. – Тот добрый гений, что приносил мне счастье, покинул меня! Я умираю! Народ мой, видишь, я умираю!.. – И, опрокинувшись на свой золотой трон, этот человек, еще за минуту принимавший как должное божеские почести, теперь корчился в муках агонии и плакал, как женщина, как дитя. Да, Ирод плакал!

Слуги и приближенные подбежали к нему и подняли его на руки.

– Унесите меня отсюда! – простонал он.

И глашатай громким голосом прокричал:

– Царя постиг жестокий недуг, игры закрыты! Народ, расходишь по домам!

Сначала все замерли на своих местах, пораженные страхом, не находя слов для выражения своих чувств, но вдруг по рядам зрителей пробежал шепот, точно шелест листьев перед сильной бурей. Он крепчал, нарастал, и вот сотни голосов огласили воздух:

– Христиане! Христиане! Это они напорожили смерть царю, накликали на нас беду! Они – колдуны и злодеи! Убейте их! Пусть они умрут все! Смерть, смерть христианам!

Словно волны морские, хлынула многотысячная толпа на арену, к осужденным христианам. Но стены арены были высоки, а все входы и выходы закрыты. Толпа волновалась и бушевала, но дорваться до христиан не могла. Люди напирали друг на друга, лезли на стены, срывались, падали; другие наступали на них, давили, топтали, падали, а их давили другие.

– Пришел наш смертный час! – воскликнул кто-то из назореев.

– Нет, все мы еще живы! – отозвалась Нехушта. – Все за мной, я знаю выход! – Схватив Рахиль поперек туловища, она потащила ее к маленькой дверке, которая оказалась незапертой и охранялась только одним тюремным сторожем, тем самым вероотступником, который накануне издевался над христианами.

– Назад! – крикнул он грозно и занес копьё над Нехуштой, но та проворно пригнулась, и копьё скользнуло высоко над ее спиной, она же пырнула его своим ножом. Страж повалился на землю с громким криком, но христиане уже хлынули в узкий проход и затоптали его ногами в безумном страхе. Далее за проходом был vomitorium (вход в римские амфитеатры); оттуда христиане вырвались уже беспрепятственно на улицу и смешались с многотысячной толпой, бежавшей из амфитеатра. Некоторые упали и были затоптаны, других же уносил людской поток. Таким образом Нехушта и Рахиль очутились на широкой террасе, обращенной к морю.

– Ну, куда же теперь? – простонала Рахиль.

– Иди за мной, не останавливайся, спеши! – молила Нехушта.

– Что же станет с остальными? – тихо вымолвила молодая женщина, оглядываясь назад на рассвирепевшую толпу, избивающую попадавших им в руки христиан.

– Храни их Бог! Мы не можем их спасти!

– Оставь меня, Ноу, беги, спасайся!.. Я выбилась из сил... Больше не могу! – И в изнеможении Рахиль упала на колени.

– Но я сильна! – прошептала Нехушта и, подхватив лишившуюся чувств Рахиль на руки, кинулась вперед, крича громко и повелительно:

– Дорогу! Дорогу моей госпоже, благородной римлянке, ей дурно! – И толпа расступалась, давая ей дорогу.

Глава III

Уговор

Благополучно пробежав всю выходящую на море террасу, Нехушта со своей ношей очутилась в узкой боковой улице, пролегающей вдоль старой городской стены, местами разрушенной и обвалившейся. Здесь она на минуту приостановилась, чтобы перевести дух и обдумать, что делать и куда бежать. Пронести на руках госпожу свою через весь город до ближайшей окраины, даже если бы у нее на то хватило силы, она не решилась бы: обе они около двух месяцев содержались в местной тюрьме, а это означало, что жители Цезареи знали их в лицо. Городское население, когда не предвиделось лучших развлечений, посещало тюрьмы и забавы ради издевалось над заключенными, рассматривая их сквозь решетку тюремных ворот. Бывало и так, что горожане свободно расхаживали между ними с разрешения тюремных стражей, за небольшое денежное вознаграждение. Таким образом, рослая темнокожая Нехушта и ее госпожа не могли остаться незамеченными теперь, когда толпа искала христиан по всему городу. Ни близких, ни друзей они здесь не имели, так как незадолго перед тем всех христиан изгнали из города. Женщинам оставалось только укрыться где-нибудь в надежном месте хоть на некоторое время. И Нехушта окинула взгля-

дом окружающую ее местность: в нескольких шагах она заметила в стене старинного вида ворота; под этими воротами часто укрывались и ночевали бездомные бродяги, днем же там обыкновенно было пусто. К ним и направилась Нехушта, надеясь хоть ненадолго спрятаться в полумраке их широких сводов.

На ее счастье, здесь никого не оказалось, но тлеющие угли почти потухшего костра и разбитая амфора с остатками воды свидетельствовали о том, что здесь еще недавно были люди. К ночи они, конечно, снова вернутся сюда! – размышляла верная служанка, опустив на землю свою бесчувственную госпожу. Вдруг ее наблюдательный глаз заметил узкую каменную лестницу в стене, ведущую наверх. Ни минуты не задумываясь, взбежала она по ней и очутилась перед тяжелой, окованной железом дубовой дверью. Постояв секунду в нерешительности, арабка уже хотела вернуться назад, но вдруг глаза ее сверкнули, она с диким отчаянием со всей силы толкнула дверь, которая распахнулась. За дверью оказалась просторная комната, заваленная мешками зерна. Ее освещали круглые бойницы, проделанные в толще стены и служившие некогда для военных целей. С быстротой птицы сбежала арабка вниз и, подхватив на руки Рахиль, внесла ее в помещение.

Здесь она бережно опустила свою ношу на сложенные у стены овечьи бурдюки, затем, спохватившись, еще раз сбежала вниз и прихватила разбитую амфору, еще до половины

наполненную свежей чистой водой. Молодая женщина вскоре пришла в чувство. Она принялась было расспрашивать свою верную слугу, как они очутились здесь, но чуткий слух арабки уловил какие-то звуки внизу, под сводом ворот. Тщательно заперев дверь, она приложила ухо к замочной скважине и прислушалась. Там внизу стояли трое солдат. Несомненно, они искали их.

– Ведь старик утверждает, что видел, как ливийка со своей госпожой свернула в эту улицу! Другой темнокожей не было между христианами. Она же, кажется, и пырнула ножом Руфа! – сказал один голос.

– Э, кто их разберет! Во всяком случае, здесь ни души! Чего нам еще тут толкаться? – пробурчал другой.

– Эй, ребята, да тут лестница! Не мешало бы посмотреть...

– Полно, это зерновой амбар Амрама-финикиянина, а он не таковский человек, чтобы оставлять ключ в дверях! Впрочем, если охота, так посмотри!

И Нехушта услышала тяжелые шаги, приближающиеся к двери. Солдат подошел и попробовал толкнуть дверь.

– Заперта крепко! – крикнул он вниз и стал спускаться. – А надо бы взять у Амрама ключ да посмотреть на всякий случай!

– Ну так беги за ключом, если тебе охота! Финикиянин живет на том конце города, кроме того, его сегодня и с собаками не сыскать...

– Хвала Богу, они ушли! – произнесла, облегченно вздохнув, Нехушта, отходя от двери.

– Но они, возможно, опять вернуться! – промолвила Рахиль.

– Не думаю, а вот хозяин этого помещения, вероятно, наведается: теперь на его товар большой спрос.

Не успела она договорить, как ключ закрипел в замке, и прежде чем Нехушта успела отскочить, дверь отворилась, Амрам вошел и тщательно запер за собой дверь.

Обе женщины замерли на месте, не выдав ни единым звуком своего присутствия.

Амрам – средних лет финикийнин с худощавым лицом и пронзительным взглядом, в скромной одежде темного цвета, но из дорогой ткани. Видимо, он не носил оружия. Это был известный всему городу, уважаемый и богатый человек, успешно ведущий торговлю, как большинство финикийян того времени. Зернохранилище, куда он теперь пришел, было лишь одним из незначительных складов его громадных зерновых запасов.

Заперев дверь на ключ, Амрам подошел к столу, где хранились его таблицы и записи отпусков и приемов зерна, и вдруг очутился лицом к лицу с Нехуштой, которая тотчас же проскользнула к двери и выдернула ключ из замка.

– Во имя Молоха, скажи, кто ты? – спросил купец, невольно отступив на шаг, и при этом заметил полулежащую у стены на куче порожних бурдюков Рахиль. – А ты? – добавил

он. – Духи? Привидения? Или воры? Госпожи, ищущие пристанища и приюта в этом запруженном людьми городе, или, быть может, те две христианки, которых повсюду ищут солдаты?!

– Мы те самые христианки, – сказала Рахиль, – мы бежали из амфитеатра и укрылись здесь, где нас чуть было не нашли легионеры!

– Вот что выходит, когда человек не запирает своих дверей! – произнес Амрам. – Но это произошло не по моей вине, а по вине одного из моих подчиненных, с которым я серьезно поговорю по этому поводу, и поговорю сейчас же! – И он направился к двери.

– Ты не уйдешь отсюда! – решительным тоном произнесла Нехушта, заступая ему дорогу и выставляя нож.

Купец испуганно попятился.

– Чего ты требуешь от меня?

– Чтобы ты дал нам возможность покинуть Цезарею с полной для нас безопасностью, в противном же случае мы здесь умрем все трое вместе. Прежде чем кто-либо попробует лишить жизни мою госпожу или меня, этот нож пронзит его сердце! Некогда твой брат продал меня, княжескую дочь, в рабство, и я буду рада случаю отомстить. Понимаешь?

– Понимаю. Только напрасно ты так гневаешься! Лучше поговорим, как деловые люди: вы хотите покинуть Цезарею, а я хочу, чтобы вы оставили мое зернохранилище. Так дай же мне выйти отсюда и устроить все согласно нашему обо-

юдному желанию!

– Ты выйдешь отсюда не иначе как в сопровождении нас обоих, – сказала Нехушта, – но советую тебе не терять попусту слов! Госпожа моя – единственная дочь Бенони, богатейшего купца в Тире. Ты, наверное, слышал о нем. Ручаюсь тебе, что он щедро вознаградит того, кто спасет его дочь!

– Я не вполне в том уверен: Бенони полон предрассудков, притом еврей, не терпящий христиан! Это я знаю!

– Пусть так, но ты купец и знаешь, что даже сомнительный барыш лучше... чем нож в горло!

– Не спорю! Но никаких барышей мне с этого дела не надо. Таким товаром, – он указал на нее и на Рахиль, – я не торгую. Поверь мне, женщина, я всей душой готов помочь вам: я не питаю к христианам ненависти: те, с кем мне случилось иметь дело, были люди хорошие, честные!

– Однако не трать лишних слов, – сурово проговорила арабка. – Время дорого!

– Что же мне делать? Разве вот что! Сегодня под вечер одно из моих судов отправляется в Тир. Буду рад предложить вам отплыть на нем. Согласны?

– Конечно, но при условии, что ты будешь сопровождать нас!

– Я не имел намерения отплыть с этим судном в Тир!

– Но ты можешь изменить свое намерение, – сказала Нехушта, – чтобы спасти двух ни в чем неповинных женщин, дав им возможность бежать из этого проклятого города. Ска-

жи, согласен ты это сделать? Если да, то пусть так, если же нет – я вонжу тебе этот нож в горло и зарюю тебя в твоём же зерне!

– Согласен! Когда стемнеет, я отведу вас на мое судно, которое отправляется два часа спустя после захода солнца с вечерним ветром; я буду сопровождать вас и в Тире сдам госпожу твою на руки её отцу. Но здесь жарко и душно, на крыше же лучше. Она окружена высоким парпетом, из-за которого не видно тех, кто сидит или стоит на ней, и там никого нет. Пойдем!

– Пойдем, если хочешь, только ты иди вперед. Но если только вздумаешь крикнуть, то знай: нож у меня всегда наготове!

– О, в этом я нисколько не сомневаюсь! К тому же, раз я дал слово, то выполняю! Будь что будет, но я останусь верен своему слову!

Наверху и в самом деле было приятно. Особенно под небольшим навесом, некогда защищавшим часовых от зноя или непогоды.

Здесь было так хорошо, дышалось так свободно, что Рахиль, измученная и изнуренная всеми событиями этого дня, вскоре заснула под навесом. Нехушта же ни за что не соглашалась отдохнуть. Она опустила глаза на город, лежащий у ног, словно пестрый движущийся ковер. Тысячи людей с женами и детьми сидели на площадях и улицах прямо на земле, посыпая себе головы придорожной пылью, в один голос

посылая к небу усердную мольбу, доходившую даже до слуха Нехушты и Амрама. Казалось, волны рокочут во время прибоя.

– Они молятся, чтобы царь остался жив! – сказал Амрам.

– А я хочу, чтобы он умер! – воскликнула ливийка.

Финикиянин же только пожал плечами: ему было все равно, лишь бы дела торговли не пострадали.

Вдруг толпа разразилась громким жалобным воем.

– Ирод умер или кончается! – сказал финикиянин. – Так как сын его еще младенец, то вместо него поставят над нами правителем какого-нибудь римского прокуратора с бездонными карманами. Ваш старик епископ был прав: всем нам грозят беды и несчастья!

– А что случилось с ним и с остальными? – спросила Нехушта.

– Одних затоптала толпа, других евреи побили камнями, а некоторые, без сомнения, успели спастись и, подобно вам, скрываются теперь где-нибудь!

Нехушта внимательно посмотрела на свою госпожу, которая спала крепким сном, опустив голову на тонкие бледные руки.

– Мир безжалостен и жесток к христианам! – проговорила она.

– Друг, он жесток ко всем, – отозвался Амрам, – если бы я рассказал тебе свою повесть, то даже ты согласилась бы со мной! – И он тяжело вздохнул. – Вы, христиане, имеете хоть

то утешение, что для вас смерть – это только переход из мрака жизни к светлому бытию, и я готов верить, что вы правы... Госпожа твоя кажется мне изнуренной и слабой. Больна она?

– Она всегда была слаба здоровьем, а тяжкое горе и страдания сделали свое дело; мужа ее они убили полгода тому назад в Берите, а теперь ей пришло время разрешиться младенцем!

– Я слышал, что кровь ее мужа легла на старого Бенони: он предал его. Кто может быть так жесток, как еврей? Даже мы, финикияне, о которых говорят так много дурного, не способны на это. У меня тоже была дочь... но зачем вспоминать! – прервал он себя... – Видишь ли, я рискую многим, но все, что будет в моих силах, сделаю для твоей госпожи и для тебя, друг! Не сомневайся во мне, я не выдам, не обману. Мое судно малое, беспалубное, а большая галера уходит сегодня ночью отсюда в Александрию и зайдет в Тир и Ионну; на этой галере я устрою вам проезд, выдав твою госпожу за мою родственницу, а тебя за ее служанку. Мой вам совет: отправляйтесь прямо в Египет, где много христиан и есть христианские общины, которые примут вас на время под свою защиту. Оттуда твоя госпожа может написать своему отцу, и если он пожелает принять ее в свой дом, то она вернется к нему. В любом случае в Александрии она будет в безопасности, там евреев не любят, и власть Ирода не распространяется!

– Совет твой мне кажется хорошим! – сказала Нехушта. –

Только бы моя госпожа согласилась!

– Она должна согласиться: у нее нет выбора. Ну а теперь отпусти меня. До наступления ночи я вернусь за вами с запасом пищи и одежды и провожу вас на галеру. Да не сомневайся же, друг, неужели ты не можешь поверить мне?

– Нет, я верю, должна верить, но ты пойми, в каком мы положении и как невероятно найти истинного друга в человеке, которому я еще так недавно угрожала ножом!

– Забудем это. Дальнейшее покажет, можно ли мне верить. Спустись со мной вниз и запри дверь. Я вернусь и стану на открытом месте. Я приду с рабом и сделаю вид, будто у меня развязался мешок, а я стараюсь его завязать. Тогда ты сойди вниз и отопри!

После ухода Амрама Нехушта села подле своей госпожи. С тревогой ожидала она возвращения финикиянина. «Если Амрам выдаст, – думала она, – при мне остался мой нож, и прежде, чем нас успеют схватить, я заколю свою госпожу и себя». Пока же ей оставалось только молиться, и она молилась страстно и бурно, молилась не за себя, а за свою госпожу и ее ребенка, который, по словам пророчицы Анны, должен был родиться и жить. Но при мысли, что ее госпожа должна умереть, Нехушта, закрыв лицо руками, горько заплакала.

Глава IV

Рождение Мириам

Медленно тянулось время. Но никто до вечера не пришел. Часа в три после полудня Рахиль проснулась: ее мучил голод, но не нашлось другой пищи, кроме зерна. Нехушта рассказала своей госпоже о том, как она доверилась Амраму.

За час до заката Нехушта, не спускавшая глаз с открытого пространства перед воротами стены, увидела двух людей. Это был Амрам и, очевидно, его раб с узлами на голове. Когда они подошли к воротам, узел у них развязался, и Аврам стал возиться около него, затягивая бечевку. Нехушта поспешила спуститься вниз и отомкнула дверь.

– Где же твой раб? – спросила она, впуская Аврама и принимая из его рук тяжелый узел.

– Он сторожит внизу, ты его не бойся: он человек верный. Но вы обе, должно быть, голодны. Я принес вам поесть и вина. Здесь и одежды для обеих; закусив, вы можете и переодеться. А вот, кроме всего остального, и это! – И он подал Нехуште кошелек, полный золота. – Это для вас всего необходимее! – сказал он. – Ты не благодари меня, я дал тебе слово спасти вас, сделать для вас все, что могу, и сделаю. Когда-нибудь, может быть, для вас настанут лучшие дни, вы возвратите мне все это. А я могу ждать. Проезд на галерея я

устроил, только смотрите, никто не должен заметить, что вы христиане: моряки думают, что христиане навлекают несчастье на суда. Теперь помоги мне снести вино и пищу наверх; госпожа твоя, верно, нуждается в подкреплении сил!

Минуту спустя они были уже на крыше.

– Мы хорошо сделали, госпожа, что доверились этому человеку! Смотри, он вернулся и принес все, в чем мы нуждались! – показала арабка.

– Да снизойдет на него благословение Всевышнего за то, что он делает для нас, беззащитных! – отвечала Рахиль, бросив полный благодарности взгляд на финикиянина.

– Пей и кушай, – сказал Амрам, – тебе нужны силы! – и он подвинул вино, мясо и другие вкусные блюда, принесенные им.

После госпожи поела и Нехушта. Затем обе они возблагодарили Бога и выразили свою признательность этому доброму человеку, который так заботился о них. После этого обе женщины пошли вниз и переоделись: одна – в богатые одежды знатной финикийской госпожи, а другая – в белое одеяние с пестрыми каймами, какие носили приближенные рабыни.

День начинал угасать, но они выждали, пока совершенно стемнело, и тогда только вышли на улицу, где их ожидал хорошо вооруженный раб. В сопровождении его женщины и Амрам направились к набережной по самым безлюдным улицам, поскольку в городе было неспокойно. Народу стало

известно, что болезнь Агриппы смертельна, и солдаты восстали против властей, вели себя с наглым своеволием, врывались в дома, брали что хотели, убивали тех, кто противился им.

У набережной наших беглянок ожидала лодка с двумя гребцами-финикиянами. Женщины, Амрам и его раб добрались до стоящей невдалеке галеры, готовящейся к отплытию. Амрам представил капитану Рахиль в качестве своей близкой родственницы, гостившей у него и теперь возвращающейся в Александрию, а Нехушту назвал ее рабыней. Затем, проводив их в приготовленную каюту, добрый купец простился с ними, пожелав им счастливого пути.

Четверть часа спустя галера снялась с якоря и, подгоняемая ветром, вышла в море. Но ветер вскоре вдруг стих, и судно могло идти только на веслах. Свинцовое небо низко нависло над морем, предвещая сильную бурю. Капитан хотел было бросить якорь, но в этом месте оказалось слишком глубоко, якорь не встретил дна. За час же до рассвета вдруг поднялся страшный северный ветер, и вскоре разыгралась настоящая буря. Когда рассвело, Нехушта увидела вдали белые стены Тира, но капитан сказал ей, что зайти туда нет возможности, он пойдет прямо в Александрию.

Около полудня буря перешла в ураган. У судна сперва сломало мачту, а затем оторвало руль, и его понесло с невероятной силой на прибрежные рифы, где, пенясь, с ревом разбивались громадные волны.

– Это все из-за этих проклятых христианок! – кричали моряки. – Клянусь Вакхом, я видел эту желтолицую женщину в амфитеатре.

Заслышав такие речи, Нехушта поспешила вниз, в каюту к своей госпоже, жестоко страдающей от качки. Наверху же царила настоящая паника: не только экипаж судна, но даже невольники-гребцы кинулись к запасам спирта и старались хмелем отогнать ужас близкой смерти. Раза два эти возбужденные вином люди пытались ворваться в каюту, угрожая кинуть в море христианок, виновниц их гибели. Но Нехушта, стоя в угрожающей позе у самой двери, грозила убить первого, кто сунется в каюту. Так прошла ночь, а когда рассвело, серая полоса берега вырисовалась в полумиле от судна. С быстротой молнии неслось оно на прибрежные скалы. Близость смерти протрезвила людей: они бросились спускать шлюпки и готовить плоты из досок палубы. Видя, что все готовятся покинуть судно, Нехушта стала просить, чтобы спасли и их, но ее грубо оттолкнули, пригрозив смертью. Вдруг громадный вал подхватил галеру и бросил ее на скалы. Со страшным треском она врезалась носом между двумя рифами и засела на большой, плоской скалистой мели.

Плот и шлюпка удалялись от судна, и Нехушта в отчаянии смотрела им вслед. Вдруг страшный нечеловеческий крик прорезал рев бури и шум волн: плот и шлюпка, брошенные на скалы, разбились в щепки. Несколько несчастных беспомощно барахтались в волнах, но за несколько минут

все стихло, шлюпки и плота будто и не было. Тогда Нехушта поблагодарила Бога, сохранившего им жизнь, вернулась в каюту, чтобы рассказать госпоже своей о случившемся.

– Да простит им Господь прегрешения их! – сказала Рахиль. – Что же касается нас, то не все ли равно, утонуть там, на плоту, или здесь, на галере?!

– Мы не утонем, госпожа, в этом я уверена! – возразила Нехушта.

– Откуда эта уверенность? Видишь, как море бушует! – заметила Рахиль.

В этот момент новый вал с бешеной силой подхватил галеру, приподнял ее с мели, перенес через гряду рифов, о которые разбились плот и шлюпка, выбросив на мягкую песчаную отмель берега. Судно замерло, глубоко врезавшись в мокрый песок за несколько десятков сажен от берега. Будто закончив свое дело, ветер стих, море на закате улеглось, как это часто бывает на Сирийском побережье. Рахиль и Нехушта, будь у них силы, могли бы беспрепятственно достигнуть берега, но об этом нечего было и думать: настало время появления на свет ребенка. Рахиль родила дочь.

– Дай мне поглядеть на ребенка! – попросила молодая мать. Нехушта зажгла в каюте светильник и показала хорошенького младенца, но очень маленького, беленького, с большими синими глазами и темными вьющимися волосиками.

Долго и любовно смотрела на своего ребенка молодая

мать, затем сказала: «Принеси воды: пока еще есть время, надо окрестить малютку!»

И во имя Святой Троицы, освятив сперва воду, умирающая окунула дрожащую руку в эту воду и трижды осенила крестным знаменем дитя, дав ему имя Мириам.

– Ну вот, – сказала Рахиль, – проживет она час или целую жизнь – все равно. Она крещена мною и будет христианкой. Тебе, Ноу, я поручаю ее как приемной матери. Заботься о ней и воспитай в духе христианства. Скажи ей также, что покойный отец ее завещал, чтобы она не смела избрать себе в мужа человека, который не исповедует Христа Распятого! Такова и моя воля!

– О, зачем ты говоришь такие слова, госпожа?

– Я умираю, Ноу, я это чувствую, и теперь, когда мой ребенок родился, с радостью иду к тому, который ждет меня там, в новой загробной жизни, и к Господу нашему... Дай мне того вина, оно восстановит мои силы; мне надо сказать тебе еще многое, а я чувствую, что слабею!

Рахиль выпила несколько глотков вина и затем продолжала:

– Как только меня не станет, возьми ребенка и иди в ближайшее селение: пусть малютка немного подрастет и окрепнет. Деньги у тебя есть, тебе их хватит надолго. Когда дитя наберется сил, отправься с ним не в Тир, где мой отец станет воспитывать мою дочь в строгом иудействе, а в селение ессеев на берегу Мертвого моря, где живет брат моей покой-

ной матери Итиэль. Расскажи ему все без утайки. Хотя он не христианин, но человек добросердечный, он искренне сочувствует христианам; ты знаешь, как жестоко упрекал он отца за его поступок по отношению к нам. Дядя пытался сделать все возможное, чтобы спасти нас. Ему ты скажи, что я, умирая, просила его именем его покойной сестры, которую он так нежно любил, принять мою дочь и быть ей вместо отца, а тебе – другом. Если он примет вас обеих под свою защиту, мир и счастье снизойдут на него и на весь дом его!

Последние слова Рахиль произнесла с трудом, силы ее иссякали. Она стала молиться, едва шевеля губами, и вскоре уснула. Проснувшись на заре, она знаками попросила принести ей младенца и, возложив руки на его головку, благословила его, затем Нехушту и снова забылась, но на этот раз – сном вечности.

С громким криком отчаяния кинулась Нехушта на труп своей госпожи и страстно целовала ее мертвые руки, клянясь, что будет служить ее ребенку, как служила ей. Тут она вспомнила, что ребенок еще не кормлен и скоро почувствует голод. Надо было спешить на берег. Но дорогую покойницу Нехушта не хотела оставить на добычу акулам и решила устроить ей царские похороны по обычаю своей страны. А какой костер мог быть грандиознее и величественнее этой большой галеры?

С этой мыслью она вынесла тело покойной госпожи на палубу и, разостлав дорогой ковер, посадила ее, прислонив к

обломку мачты. Затем вошла в каюту капитана, захватила из шкатулки на столе золото и другие драгоценности. Найдя в углу амфору гарного масла, Нехушта разбила ее, разлила масло и подожгла его. Забежав в каюту, схватила ребенка, укутала его в теплые одеяла и поднялась на палубу. Опустилась на мгновение подле своей мертвой госпожи и, страстно целуя ее, простилась с ней. Пламя начинало уже охватывать судно, когда Нехушта осторожно спустилась по веревочной лестнице, оставленной за бортом спасавшимися моряками, и по пояс в воде бодро пошла к берегу, унося на себе все золото и драгоценности, какие только были на судне. Выйдя на берег, арабка взошла на высокий песчаный холм и с вершины его оглянулась назад на зажженный ею костер. Яркое пламя его рвалось высоко к небесам: горело масло в трюме.

– Прощай! Прощай! – воскликнула Нехушта, посылая последний привет своей любимой госпоже, быстро спустилась с холма, спеша добраться до ближайшего селения.

Глава V

Водворение Мириам

Спустившись с холма, Нехушта очутилась среди возделанных полей ячменя и плодовых садов, огороженных низкими каменными стенами. Там и сям виднелись дома; но большинство – разрушенные пожаром, а поля и сады смяты и стоптаны, точно здесь только что прошел неприятель.

Тем не менее Нехушта смело шла по главной улице селения, пока не увидела смотревшую на нее из-за стены одного из садов молодую женщину. На ее вопрос, что здесь случилось, женщина с плачем рассказала, что в их селение нагрянули римляне и все сожгли и разорили. Стариков и старух убили, здоровых же и молодых, кого только могли изловить, увели в рабство. И все это за то, что старшина их селения поспорил с римским сборщиком податей. Он отказался уплатить слугам великого цезаря вторичный, незаконный налог.

– Неужели, – спросила Нехушта, – я не найду здесь ни одной женщины, которая могла бы выкормить мне этого ребенка? Я готова щедро заплатить за это!

– Но скажи мне, откуда ты? Откуда у тебя этот младенец? – осведомилась женщина.

Нехушта рассказала женщине ровно столько, сколько той положено знать, и женщина предложила кормить девочку,

так как римляне убили ее дитя, она же и муж ее успели скрыться в подвале. Дом их тоже случайно уцелел, и муж теперь ушел на поле собрать то, что там осталось. Нехушта поблагодарила Бога, что он послал ей женщину, согласившуюся выкормить ребенка.

Муж кормилицы Мириам оказался славным трудолюбивым виноградарем, добрым хозяином и надежным заступником и защитником для Нехушты и маленькой Мириам. В доме этих добрых людей, которым Нехушта каждый месяц давала по золотому, они пробыли целых шесть месяцев; девочка окрепла, поздоровела. Теперь она могла без всякой опасности вынести самое дальнее путешествие. Памятуя завещание покойной госпожи, верная Нехушта обещала дать этим добрым людям денег (они мечтали купить двух волов и работника). Если же они согласятся проводить ее с ребенком в окрестности Иерихона, то получают еще три золотых, вьючного осла и мула, которых она поручила им приобрести для путешествия. Добрые люди согласились не только проводить их до окрестностей Иерихона, но и пробыть там около трех месяцев, пока ребенка можно будет отнять от груди.

Галера, на которой Мириам увидала свет, потерпела крушение всего в пяти лигах от Иоппы (нынешней Яффы) и в двух днях пути от Иерусалима. А из Иерусалима дойти до берегов Мертвого моря недолго.

Путешествие Нехушты с маленькой Мириам и двумя спутниками оказалось благополучным и беспрепятствен-

ным: их скромный вид не привлекал внимания ни разбойников, которыми кишели все большие дороги, ни римских воинов, разосланных начальством для поимки этих разбойников и нередко бравшихся за их ремесло.

На шестой день пути наши путешественники спустились в долину Иордана, а в два часа пополудни седьмых суток подошли к селению ессеев. Оставив своих вьючных животных и мужа кормилицы за околицей селения, Нехушта с малюткой, которая уже размахивала ручонками, смеялась и лепетала, в сопровождении кормилицы смело вошли в селение. Ей показалось, что в нем живут одни мужчины: ни одна женщина не попала им навстречу.

У престарелого мужчины, одетого в чистые белые одежды, Нехушта спросила, где можно найти брата Итиэля. Почтенный старец, отворачивая от нее лицо, точно лик женщины казался ему опасным, весьма вежливо отвечал, что брат Итиэль работает в поле и не возвратится раньше, как только к ужину. Но если у нее спешное дело, она может дойти до зеленых ив, растущих на берегу Иордана, и оттуда непременно увидит Итиэля, который пашет на соседнем поле парой белых волов.

Обе женщины направились к реке. Действительно, вскоре увидели они вдаль на пашне двух белых волов и шедшего за сохой немолодого пахаря. Нехушта приказала кормилице остаться в некотором отдалении, а сама с младенцем на руках подошла к Итиэлю.

– Скажи мне, прошу тебя, – обратилась она к нему, – вижу я Итиэля, священника высшего сана ессеев, брата покойной госпожи моей Мириам, жены еврея Бенони, богатейшего купца в городе Тире?

– Меня зовут Итиэль, и жена Бенони, пребывающая ныне в стране вечного блаженства за гранью океана, была моей сестрой!

– Хорошо, так ты, верно, знаешь, что у госпожи моей Мириам была дочь Рахиль? Она умерла в родах, а вот младенец, – и Нехушта показала ему спящую малютку. Итиэль долго вглядывался в маленькое личико, а затем, видимо, расстроженный, с нежностью поцеловал ребенка, улыбнувшегося ему во сне.

Ессеи хотя и мало видят детей, но питают к ним сильную любовь.

– Расскажи мне, добрая женщина, всю эту печальную повесть! – попросил Итиэль, и Нехушта рассказала ему все, передав дословно предсмертные слова своей молодой госпожи.

Выслушав ее, Итиэль отошел немного в сторону и поскорбел об усопшей. Затем сотворил молитву: ессеи не предпринимают ничего, даже самого пустячного дела, не помолившись предварительно Богу о помощи и вразумлении. Только после того вернулся он к Нехуште со словами:

– Добрая и верная женщина, в тебе, думаю, нет ни коварства, ни женского тщеславия, как у остальных сестер твоих. Ты загнала меня в щель. Не знаю, как мне теперь быть

и что делать. Законы моего братства воспрещают нам иметь какое-либо дело с женщинами, будь они стары или молоды. Суди сама, как могу я принять тебя и девочку в мой дом?

– Законы твоей общины мне неизвестны, – несколько резко и гневно возразила Нехушта, – но общечеловеческие законы мне ясны, как и некоторые законы Божьи. Ведь я, как моя госпожа и ее ребенок, тоже христианка. Эти законы говорят, что прогнать сироту родственной тебе крови, которого горькая судьба привела к твоему порогу, – жестокий и дурной поступок, за который тебе придется когда-нибудь дать ответ тому, кто выше всех законов земных!

– Я не стану спорить, особенно с женщиной, – продолжал Итиэль, которому, видимо, было не по себе. – То, что я только что сказал тебе, – правда. Но правда и то, что наши законы предписывают нам самое широкое гостеприимство и строжайше воспрещают отказывать в помощи обездоленным и беспомощным!

– А тем более этому ребенку, в жилах которого течет родная вам кровь. Если вы оттолкнете его, он попадет в руки деда и будет воспитан среди евреев и зилотов, будет приносить в жертву живые существа и совершать помазания маслом и кровью жертвенных животных!

– О, одна мысль об этом приводит меня в ужас! – сказал Итиэль. – Пусть уж лучше она будет христианкой!

Это он сказал потому, что ессеи считают употребление масла нечистым и всего более питают отвращение к прино-

шению в жертву животных и птиц. Они не признавали Христа и не хотели слышать ни о каком новом учении, тем не менее исполняли многое из того, что завещал своим ученикам Христос.

– Но решить этот вопрос один я не могу, – продолжал Итиэль, – я должен представить его на обсуждение собрания ста кураторов. Как они решат, так и будет, а пока совет решит, на что потребуется не менее трех дней, я имею право предложить тебе с ребенком и людям, которые пришли с тобой, кров и пищу в нашем странноприимном доме! К счастью, этот дом стоит как раз на том конце селения, где живут наши братья низших степеней. У них допускается брак, так что там вы найдете нескольких женщин, которые не могут показываться среди нас в другой части селения!

– Прекрасно, – сказала Нехушта, – только я назвала бы именно этих братьями высших степеней, так как они исполняют завет Божий – плодиться и множиться!

– Об этом я не стану спорить, нет, нет... Во всяком случае, это прелестный ребенок. Вот он открыл глазки, точно васильки! – И старик снова склонился над малюткой и поцеловал ее, затем тотчас же добавил со вздохом: – Грешник я, грешник! Я осквернил себя и должен теперь очиститься и покаяться!

– Это почему? – спросила Нехушта.

– Потому что я нечаянно коснулся твоей одежды и дал волю земному чувству, поцеловав ребенка дважды. Согласно

нашему правилу я осквернился!

– Осквернился! – воскликнула негодующим тоном Нехушта. – Ах ты, старый сумасброд! Нет, ты осквернил этого чистого младенца своими мозолистыми руками и щетинистой бородой! Лучше бы ваши священные правила учили вас любить детей и уважать честных женщин, являющихся их матерями, без которых не было бы на свете и вас, ессеев!

– Я не смею спорить с тобой, не смею спорить! – нервно отозвался Итиэль, нисколько не возмущаясь резкостью Нехушты. – Все это должны решить кураторы, а пока пойдем, я погоню своих волов, хотя еще не время выпрягать их из ярма, а ты и спутница твоя идите немного позади меня. Впрочем, нет, не позади, а впереди меня, чтобы я мог видеть, что вы не уронили ребенка. Право, личико его так прекрасно, что мне жаль расстаться с ним, прости мне, Господи, это прегрешение... это дитя напоминает мне покойную сестру, когда она была еще ребенком... да, да... прости, Господи, мои прегрешения!

– Уронить ребенка! – воскликнула было Нехушта, возмущенная словами этой жертвы глупых правил, как она мысленно называла его, но, угадав своим женским чутьем, что этот человек успел уже полюбить ребенка, смягчилась и полусхвату заметила:

– Смотри, сам не напугай малютку своими огромными волами; вам, мужчинам, так презирающим женщин, еще многому следовало бы поучиться у нас!

Затем, подождав кормилицу, она молча пошла впереди Итиэля, ведущего волов. Так они дошли до большого прекрасного дома на самом краю селения. Это был странноприимный дом ессеев, где они оказывали своим гостям самый радушный прием, окружая их всеми возможными удобствами и предоставляя им все лучшее. Дом этот оказался незанятым. Позвав жену одного из низшей степени братьев ессеев, Итиэль, закрыв лицо руками, чтобы не видеть лица женщины, поручил ей позаботиться о Нехуште, младенце и их спутниках и удалился доложить обо всем кураторам.

– Что, они все такие полоумные? – презрительно спросила Нехушта у женщины.

– Да, сестра, – ответила та, – все они таковы, даже мужа своего я вижу редко, и он постоянно твердит мне о том, что женщины полны всяких пороков, что они – искушение для человека праведного, ловушка для праведников и многое другое.

В этом странноприимном доме Нехушта с девочкой и кормилица с мужем прожили несколько дней.

И вот собрался совет кураторов, и Нехушта должна была явиться на собрание вместе с ребенком. Собрание это состояло из ста почтенных, убеленных сединами старцев в белых одеждах. Они разместились на длинных скамьях. В противоположном конце зала было приготовлено особое место для арабки. По-видимому, Итиэль заранее изложил им все обстоятельства дела, так как кураторы сразу же приступили

к расспросам, на которые Нехушта отвечала вполне ясно и точно. Выслушав ее, кураторы стали совещаться между собою. Большинство выразило согласие принять и воспитать ребенка, но нашлись и такие, которые возражали, мол, и малютка, и ее приемная мать женского пола, им здесь не место. Кроме того, если оставить ребенка, то все они полюбят его и привяжутся к нему, а ведь они должны любить только одного Бога!

На это другие возражали, что они должны любить и всех обездоленных, и все человечество. Затем Нехуште предложили удалиться, чтобы собрать голоса за и против. Выходя из зала, Нехушта высоко подняла улыбающуюся девочку, чтобы все могли видеть ее прелестное личико, и умоляла все собрание не отвергать просьбы умирающей женщины о попечении над ее дочерью. Единственному родственнику мать поручала свое дитя на смертном одре. Неужели же откажет бедной сиротке в крове, наставлении и мудром руководстве ее дядя Итиэль и вся святая община ессеев?

В смежной комнате довольно долго ожидала она решения собрания. Когда ее вновь позвали в зал совета, она увидела сияющее радостью лицо Итиэля и поняла, что решение кураторов благоприятное. Действительно, председатель собрания объявил ей, что большинством голосов решено принять малютку Мириам на попечение общины до достижения ею восемнадцатилетнего возраста. В восемнадцать лет ей придется покинуть это селение. Пока же она здесь, никто не по-

пытается отвлечь ее от веры ее родителей, ей и ее приемной матери будет предоставлен дом и все самое лучшее для их удобства и благосостояния. Дважды в неделю к ним будут являться выборные от кураторов, чтобы убедиться, что ребенок здоров и ни в чем не нуждается. Когда же девочка подрастет и ей потребуется обучение, она будет допущена на их собрания. Обучать ее будут мудрейшие и ученейшие из братьев. Так получит девочка нужные познания в полезных науках.

– Чтобы все знали, что мы взяли этого ребенка на наше попечение, – сказал председатель, – мы все в полном составе проводим вас до предназначенного вам дома, и брат Итиэль, ближайший родственник малышки, понесет ее на руках. Ты же, женщина, пойдешь рядом с ним и будешь давать ему необходимые указания, как обращаться с ребенком!

Образовалось целое торжественное шествие. Во главе его выступил председатель совета кураторов и священник, брат Итиэль – в центре с ребенком, далее – длинная вереница кураторов и простые братья ессеи позади. Шествие это проследовало через все селение и остановилось на дальней окраине села у одного из лучших домов. В нем предстояло жить малютке Мириам и ее верной Нехуште.

Дитя, которое впоследствии стали называть царицей ессеев, заняло прочное место не только в домике, но и в сердцах всех этих добрых людей.

Глава VI

Халев

Вряд ли другой ребенок мог похвастать более своеобразным воспитанием и более счастливым детством, чем Мириам. Правда, у нее не было матери, но это с избытком заменялось любовью и заботами, которыми ее окружала Нехушта и несколько сот отцов, из которых каждый любил ее, как родное дитя. Отцами она не смела их называть, но зато всех звала дядями, добавляя имена тех, кого знала.

Однако почтенные братья нередко завидовали и ревновали друг друга к ребенку: все они наперебой старались завоевать ее расположение, делая нередко тайные подарки девочке, прельщая ее лакомствами и игрушками. Комитет, обязанностью которого были еженедельные посещения домика Мириам, состоявший из выборных членов кураторов, в том числе и Итиэля, был вскоре расформирован, и депутация составлялась из очередных братьев, так что каждый имел возможность посещать девочку.

Когда ей исполнилось семь лет, а к этому времени она успела стать чуть ли не божеством для каждого из братьев ессеев, девочка захворала лихорадкой, весьма распространенной в окрестностях Иерихона и Мертвого моря. Хотя среди братьев было несколько весьма искусных и опытных врачей,

лихорадка не оставляла больную. День и ночь не отходили лекари от ее кровати. Вся же остальная братия так горевала, что все селение наполнилось воплями и стонами и возносило молитвы Господу об исцелении девочки. Три дня все они непрестанно молились, и многие из них за это время не дотрагивались до пищи. Никогда еще ни один монарх на свете не был окружен во время болезни такой любовью и тревогой своих подданных, и никогда еще его выздоровление не вызывало такой единодушной радости и искренней благодарности Богу, как выздоровление маленькой Мириам.

И не удивительно: она стала единственной радостью их бесцветной, однообразной жизни, единственным молодым, веселым существом, щебетавшим, как птичка, среди угрюмых и молчаливых братьев, вся жизнь которых была полным отречением от всех радостей земных.

Когда девочка подросла, стали думать об ее обучении. Совет ессеев после долгих обсуждений решил возложить эту обязанность на трех ученейших мужей из своей среды.

Один из них – египтянин, воспитанный в коллегии жрецов в Фивах. От него Мириам узнала многое о древней цивилизации Египта и даже многие тайны религии и объяснения этих тайн, известные только одним жрецам. Второй был Ософил, грек, живший долгие годы в Риме и изучивший язык, нравы и литературу римлян, как свои. Третий, посвятивший всю свою жизнь изучению животных, птиц, насекомых и всей природы, а также и движения небесных све-

тил, преподавал очень старательно все эти премудрости своей возлюбленной ученице, стараясь ей все объяснить на живых и наглядных примерах.

Когда Мириам стала постарше, ей дали четвертого учителя – художника. Он научил девушку искусству лепки из глины и ваiania из мрамора и камня, а также открыл секреты пигментов, т. е. красок. Этот в высшей степени талантливый человек был, кроме того, искусным музыкантом и охотно учил девочку музыке и пению в ее свободные от других занятий часы. Как видим, Мириам получила такое образование, о каком девушки и женщины ее времени не имели даже представления, и ознакомилась с такими науками, о которых те даже не слыхали. Познания в вопросах веры она получала от Нехушты, а также от заходящих христиан, которые приходили и сюда проповедовать учение Христа; особенно внимательно слушала Мириам одного старика, который слышал сам это учение из уст самого Иисуса и видел Его Распятым. Но главным наставником девочки была сама природа, которую она понимала и любила.

Таким образом, знания и искусства рано пустили корни в прелестной головке Мириам; светлый, ясный разум, поэтическая душа девочки отразились в ее синих глазах. Кроме того, Мириам была и внешне привлекательна. Сложения скорее миниатюрного и несколько хрупкого, личико имела скорее бледное, но темные густые кудри ниспадали по плечам, а большие темно-синие глаза светились ласковым, жи-

вым огнем. Ручки и ножки ее были маленькие, тоненькие и женственно прекрасные, а движения грациозны, гибки и живы. Нежная душа ее наполнялась любовью ко всему живущему, сама она росла всеми любимая. Даже птицы и животные, которых она кормила, видели в ней друга; цветы как-то особенно преуспевали от ее ухода и, казалось, улыбались ей.

Но Нехушта не одобряла столь усидчивые и регулярные занятия девочки. Долго она молчала, наконец высказалась на одном из собраний, как всегда, несколько резко и с упреком:

– Что, вы хотите сделать из этой девочки прежде времени старуху? На что ей все эти познания? В эти годы другие девочки еще беззаботны, как мотыльки, и думают только об играх и забавах, свойственных их возрасту; она же не знает других товарищей, кроме седобородых старцев, которые пичкают ее юную головку своей древней премудростью! В такие-то годы ей уже чужды молодые радости жизни! Ребенку нужны товарищи-одногодки, а она растет, точно одинокий цветок, среди угрюмых темных скал, не видя ни солнца, ни зеленого луга!

Обсудили этот вопрос и решили позаботиться о том, чтобы дать девочке в товарищи кого-нибудь из сверстников. Но, увы! Девочек не оказалось в целом селении ни одной, а из принимаемых и призреваемых общиной мальчиков, из которых ессеи готовили будущих последователей своего учения, всего только один оказался того же возраста, что и Мириам. Несмотря на то что среди ессеев не существовало ни-

каких кастовых предрассудков, вопрос происхождения не имел для них никакого значения, им казалось, что для Мириам, которая со временем должна была покинуть их тихое убежище и вступить в жизнь, общение с детьми низшего происхождения нежелательно. Этот единственный мальчик, ровесник Мириам, круглый сирота, призреваемый ессеями, был сын очень родовитого и богатого еврея по имени Гиллиэль. Мальчик родился в тот год, когда умер царь Агриппа, Кусний Фаб (Cuspius Fabus) стал правителем Иудеи. Отец его, несмотря на то, что нередко становился на сторону Римской партии, был убит римлянами или погиб среди 20 тысяч затоптанных насмерть и смятых лошадьми в день праздника Пасхи в Иерусалиме, когда прокуратор Куман приказал своим солдатам атаковать народ.

Зилот Тирсон, считавший Гиллиэля предателем, сумел присвоить себе все его имущество. Халев, матери которого тогда уже не было в живых, остался бездомным сиротою. Его привезла одна добрая женщина в окрестности Иерихона и передала на попечение ессеям.

Халев – красивый, черноволосый мальчик с темными, пытливыми глазами, умный и отважный, но горячий и мстительный. Если он чего-нибудь хотел, то всегда старался добиться во что бы то ни стало; как в любви, так и в ненависти своей он был тверд и непоколебим. Одним из ненавистных ему существ была Нехушта. Эта женщина со свойственной ей проницательностью сразу разгадала характер мальчика и

открыто заявила, что он может стать во главе любого дела, если только не изменит ему. Когда Бог смешивал его кровь, считала Нехушта, он взял по капле из всего лучшего, чтобы сам цезарь мог найти в нем себе соперника. Но Бог забыл примешать в нее соль честности, а долил чашу вином страстей и злобы.

Мириам, желая подразнить своего нового товарища по играм, передала ему мнение Нехушты. Он не пришел в бешенство, как она ожидала, а только сощурил глаза, как он это иногда делал, и стал мрачен, будто туча над горой Нево.

– Скажи, госпожа Мириам, той старой темнокожей женщине, что я стану во главе не одного дела, но намерен быть первым везде, и что бы там Бог ни забыл примешать к моей крови, хорошую долю памятьливости он примешать не забыл!

Нехушта, услышав это возражение, рассмеялась и сказала, что все это, очень может быть, и правда, но только не мешало бы ему знать истину: кто разом взбирается на несколько лестниц, обыкновенно падает на землю, и если голова распростилась со своими плечами, то наилучшая память теряет свое значение!

Халев нравился Мириам, но она никогда не научилась любить его так, как любила своих старых дядей – ессеев или Нехушту, которая для нее была всех дороже в жизни. Мальчик же по отношению к Мириам никогда не проявлял своего гнева, наоборот, всегда старался не только угодить и услужить ей во всем, но даже предугадать ее желания и порадо-

вать ее, чем только можно. Он положительно обожал ее. В характере его было много лжи и фальши, но чувство его к ней было искренне и непритворно. Сначала он любил ее, как ребенок любит ребенка, а затем – как юноша любит девушку, Мириам же никогда не любила его, и в этом заключалось все несчастье: любила бы она его, вся жизнь обоих сложилась бы иначе!

Что особенно странно, так это то, что Халев, кроме Мириам, не любил решительно никого, разве только самого себя. Какими-то судьбами мальчик узнал свою печальную повесть и возненавидел римлян, завладевших его родиной и попирающих ее ногами. Но еще сильнее он возненавидел евреев, лишивших его всего состояния и земель, принадлежавших ему по праву после смерти отца. А как он относился к ессеям, которым был всем обязан? Как только он достиг того возраста, когда мальчик может судить о подобного рода вещах, стал относиться к ним презрительно, прозвав их общиной прачек и судомоек за их частые омовения и особенно усердное соблюдение чистоты. Он высказал Мириам как-то свое мнение, что люди, живущие в мире, должны принимать жизнь такой, как она есть, а не мечтать непрерывно о какой-то иной, к которой они еще не принадлежат, и не нарушать общих законов существующей жизни.

Слушая его и видя, что он не сочувствует учению ессеев, Мириам подумала было обратиться к христианству, но безуспешно, ведь по крови он был еврей из евреев и не мог

понять и преклониться перед Богом, который позволил распять себя! Его Мессия, за которым он пошел бы охотно, должен быть великим завоевателем, победителем всех врагов Иудеи, сильным и могучим царем, который низвергнет ненавистное иго римлян!

Летели годы. В Иудее вспыхивали восстания, в Иерусалиме случались избиения. Ложные пророки смущали легковверных людей, которые тысячами шли за ними, но римские легионы быстро рассеивали в прах эти толпы. В Риме воцарялись и низвергались цезари. Великий Иерусалимский храм наконец достроили, и он красовался в полном своем великолепии. Много знаменательных происшествий случилось в то время, только в селении ессеев на берегу Мертвого моря жизнь незаметно текла своим чередом, и никаких особенно выдающихся событий в ней не происходило, разве только умирал какой-нибудь престарелый брат или нового испытываемого принимали в число братии.

День за днем эти добрые, кроткие и скромные люди вставали до зари и возносили свои молитвы солнцу, а затем шли каждый на свою работу: возделывали поля, сеяли хлеб и благодарили, если он хорошо уродился; но и за плохой урожай все равно благодарили и по-прежнему совершали свои омовения и творили молитвы, скорбя о злобе мирской и об испорченности людей.

А время шло себе, Мириам уже исполнилось семнадцать лет, когда первая капля предстоящих бед упала на мирную

общину ессеев.

Время от времени первосвященник иерусалимский, ненавидевший ессеев как еретиков, присылал требование на установленную подать для жертвоприношений в храме. От уплаты этой подати ессеи упорно отказывались, так как всякого рода жертвоприношения были ненавистны им. Сборщики податей всякий раз возвращались ни с чем. Но когда первосвященнический престол занял Анан, он послал к ессеям вооруженных людей, чтобы силой взять с них десятинный сбор на храм. Когда же ессеи отказались уплатить эту подать, пришедшие открыли житницы, амбары и погреба общины и своевольно взяли, сколько хотели, а что не могли увезти с собой, рассыпали, растоптали и уничтожили.

Случилось так, что во время погрома Мириам и неразлучная с ней Нехушта находились в Иерихоне, куда они иногда отправлялись с посильной лептой для бедных. Возвращаясь, они шли руслом пересохшей реки, где было много камней и кустов терновника. Здесь их встретил Халев, ставший теперь довольно красивым, сильным и энергичным юношей. В руках он держал лук, а за спиной у него висел колчан с шестью стрелами.

– Госпожа Мириам, – сказал он, приветствуя женщин, – не идите домой большой дорогой, можете повстречаться с теми разбойниками и грабителями, которых прислал сюда первосвященник, чтобы ограбить житницы ессеев. Они могут обидеть или оскорбить тебя, так как все они пьяны. Ви-

дишь, один из них ударил меня!

И он показал ей большую ссадину на своем плече.

– Что же нам делать? Идти назад в Иерихон?

– Нет, они и туда придут и, вероятно, нагонят нас еще в пути! Идите вот этим руслом, а затем пешеходной тропой – к околице селения. Так вы не встретите их.

– Это правда, – сказала Нехушта, – пойдем, госпожа!

– А ты куда, Халев? – спросила Мириам, удивленная тем, что он не идет за ними.

– Я? Я притаюсь здесь, между скалами, пока эти люди не пройдут. Мне нужна гиена, нападавшая на овцу; я уже выследил ее, и мне, возможно, удастся поймать ее. Потому-то я и захватил свой лук и стрелы!

– Пойдем! – нетерпеливо вымолвила Нехушта. – Этот парень сумеет сам за себя постоять!

– Смотри, Халев, будь осторожен! – еще раз остерегла его Мириам, догоняя Нехушту. – Странно, – добавила она как бы про себя, – что Халев выбрал именно сегодняшний день для охоты!

– Если не ошибаюсь, он задумал охотиться за гиеной в человеческом образе! – проговорила Нехушта. – Ты слышала, госпожа, что один из этих людей ударил его? Мне думается, что он хочет отмыть свой ушиб в крови этого человека!

– Ах, нет, Ноу! – воскликнула девушка. – Ведь это было бы мстью, а месть – дурное дело!

Нехушта только пожалала плечами. «Увидим!» – прошеп-

тала она. И действительно, они увидели. Взойдя на вершину холма, через который шла тропа к селению, они невольно обернулись: там, в нескольких сотнях саженей от них, по дороге двигался небольшой отряд людей с вьючными мулами. Эта кучка людей только что спустилась в овраг пересохшего русла реки, как вдруг раздался какой-то крик и шум, произошел переполох, люди бросились в разные стороны, как бы разыскивая кого-то. В то же время четверо подняли на руки одного, похоже, раненого или убитого.

– Как видно, Халев пристрелил свою гиену! – многозначительно заметила Нехушта. – Но я ничего не видела, и ты, госпожа, если благоразумна, тоже ничего никому не скажешь! Ты знаешь, я не люблю Халева, но зачем накликать беду на твоего товарища детства!

Мириам только утвердительно кивнула головой в знак ответа.

Вечером того же дня Нехушта и Мириам, стоя на пороге своего дома, увидели при свете полного месяца Халева, который шел к ним по главной улице селения.

Нехушта так хитро повела разговор, что юноша должен был сознаться, что он действительно смыл удар обидчика кровью.

В разговор их вмешалась девушка. Халев вызывающим тоном повторил свой рассказ, но, быстро переменив тему, стал клясться Мириам в своей любви. Тщетно Мириам останавливала его, он ничего не слушал и ушел, повторяя: «Я

люблю тебя, Мириам, так, как никто никогда не будет любить».

Глава VII

Марк

В эту ночь в селении ессеев было беспокойно. Кураторов, пребывающих в посте и молитве, потревожил вернувшийся с полпути начальник над слугами первосвященника, еврей, который участвовал в разорении и ограблении жилищ и погребов селения. Человек этот предъявил обвинение в том, что одного из его людей кто-то из ессеев убил по дороге в Иерихон. Но виновника не нашли. Ему возразили, что временами здесь пошаливают разбойники. Из ессеев же никто никогда не решится обогреть свои руки кровью. Тщательно исследовав стрелу, которою убили несчастного, пришли к безоговорочному выводу, что она, несомненно, римского изготовления.

Возмущенные явной клеветой и выведенные из терпения кураторы попросили еврея удалиться и рассказать эту басню своему господину, первосвященнику Анану, такому же вору, как он сам, или еще худшему вору и разбойнику – римскому прокуратору Альбину. Тот, конечно, не преминул сделать это, ессеям было приказано прислать в Иерусалим уполномоченных на суд Альбина. Уполномоченными избрали Итиэля и еще двух старших братьев. Они отправились в Иерусалим. Там их продержали целых три месяца, под разными

предлогами оттягивая суд, хотя намекнули, что обвинение можно снять, но для этого нужно дать прокуратору взятку. Ессеи отказались. Альбин подождал немного, но, видя, что с уполномоченных нечего взять, приказал убираться из Иерусалима и пообещал, что пришлет к ним офицера, который расследует это дело на месте.

Прошло еще два месяца. Наконец этот офицер прибыл, а с ним двадцать солдат. В одно хорошее зимнее утро Мириам с Нехуштой вышли погулять по дороге, ведущей в Иерихон, как вдруг увидели небольшой отряд вооруженных людей. Поняв, что это римляне, они хотели свернуть и притаиться в кустах, но один из них, по-видимому начальник, прищипорил коня и преградил им дорогу. Волей-неволей пришлось остановиться.

Всадник попросил показать ему дорогу и, отдав своему отряду приказания, пошел рядом с Мириам, расспрашивая ее об ессеях, их жизни и пр.

Это был молодой человек, не более двадцати трех или двадцати четырех лет. Роста выше среднего, стройный, но крепко и красиво сложенный, живой и энергичный в жестах и движениях. Его густые темно-каштановые волосы, коротко остриженные, вились крутыми кольцами. Кожа, тонкая и нежная, покрыта золотистым загаром, а большие серые глаза, расставленные широко, смотрели смело, открыто из-под резких, энергичных черных бровей, придававших его лицу выражение твердости и решимости.

Красиво очерченный, несколько большой рот обнажал в улыбке двойной ряд ровных белых зубов. Слегка выдвинутый вперед, чисто выбритый подбородок дополнял его лицо. Он производил впечатление смелого воина, человека, привыкшего повелевать, но при этом великодушного и добросердечного.

С первого же взгляда он понравился Мириам, и даже больше, чем кто-либо из молодых людей, которых она видела до сих пор, да и несравненно больше Халева, товарища ее детства.

Покончив с распоряжениями, римлянин отрекомендовался девушке:

– Я – Марк, сын Эмилия. Имя моего отца известно Риму. И мое станет со временем известно. Пока же я ничем не могу похвалиться перед тобой, разве только дядюшке моему Каю вздумается умереть и оставить мне свои громадные богатства, выжатые из испанцев. Пока же я – простой центурион (сотник), и мой начальник – достопочтенный и высокочтимый прокуратор Иудеи, благородный Альбин! – добавил Марк с оттенком сарказма. – Меня послали расследовать дело по обвинению ваших уважаемых ессеев в убийстве или в соучастии в убийстве одного недостойного еврея, в числе других посланного сюда грабить житницы этой общины! Теперь хотелось бы услышать что-нибудь и о тебе, прекрасная госпожа!

Мириам с минуту молчала в нерешимости. Стоит ли ей

так откровенничать с незнакомым человеком? Нехушта же, которой казалось, что молодой римлянин – человек влиятельный и сильный здесь, в Иудее, и заслуживает полного доверия, отвечала за свою молодую госпожу:

– Девушка эта, господин, – моя госпожа, единственное дитя высокорожденного грека-сирийца Демаса и благородной супруги его Рахили, дочери богатейшего купца в Тире. Отец госпожи моей умер в амфитеатре Берита (Veritus), а мать умерла родами!

– В амфитеатре? – воскликнул молодой римлянин. – Разве он был злодей или преступник?

– Нет, господин, – вмешалась Мириам, – он был христианин!

– Христианин! – повторил Марк. – О христианах говорят много дурного, но я знаю о них только то, что они мечтатели. Однако ты сказала мне, госпожа, что принадлежала к общине ессеев?

– Я – христианка, как мои отец и мать, но нашла приют у ессеев. Они не пытались отвратить меня от той веры, в которую я была крещена!

– Опасно быть христианкой! – заметил ее собеседник.

– Пусть так! Меня ничто не пугает! – ответила Мириам. – Я готова на все!

– Господин, – вмешалась Нехушта, – быть может, госпожа моя и я сказали больше, чем следует. Но мы доверяем тебе и, хотя ты водишь дружбу с Бенони, все же надеемся, что

ты сохранишь в тайне все, что слышал, и не откроешь ему убежище его внучки!

– Вы не напрасно оказали мне доверие! Но обидно, что все его богатства, которые по праву принадлежат его внучке, пропадут даром!

– Высокое положение и богатство еще не все, господин. Свобода личности и свобода веры больше значат, а моя госпожа ни в чем не нуждается. Теперь я сказала тебе все, господин! – закончила Нехушта.

– Не совсем. Ты не сказала мне имени твоей госпожи! – возразил молодой римлянин.

– Ее зовут Мириам!

– Мириам, – повторил он, – красивое и милое имя. А вот уж видно и селение! Это оно и есть?

– Да, господин, это селение ессеев, – подтвердила Мириам, – зал совета – в этом большом здании, а это страннопримный дом...

– А этот домик, что стоит так особняком от других? – спросил Марк.

– Господин, наш домик; в нем живем мы с Нехуштой!

– Я угадал! Этот прекрасный садик может принадлежать только женщинам!

Разговаривая, они подходили к селению. Марк шел подле девушки, ведя лошадь в поводу и удивляясь, что эта полуврейка так свободно отвечает на все его вопросы не хуже египтянки, римлянки или гречанки.

Вдруг из кустов справа выступил на дорогу Халев и остановился как раз перед ними.

– А, друг Халев, – приветствовала его Мириам, – вот это римский сотник Марк, он прибыл сюда посетить кураторов! Проведи его и воинов в зал совета да предупреди дядю моего Итиэля и других о его прибытии. Нам же с Нехуштой пора домой!

– Римляне всегда прокладывали себе дорогу сами, им не нужно, чтобы еврей указывал им путь! – мрачно проговорил Халев и снова скрылся в кустах по другую сторону дороги.

– Друг твой, госпожа, неприветлив, – заметил Марк, провожая его глазами, – недобрый у него вид. Если кто-либо из есеев мог совершить тот поступок, то только он!

– Этот мальчик никогда еще не убил даже хищной птицы! – сказала Нехушта.

– Халев не любит чужих людей! – заметила, как бы оправдывая его, Мириам.

– Я это понял и признаюсь, что также не люблю этого Халева!

– Пойдем, Нехушта, – сказала Мириам, – своей дорогой, а тебе, господин, с твоими людьми надо идти вон туда! Прощай!

– Прощай, госпожа, спасибо тебе, что указала мне путь! – отвечал Марк, продолжая свой путь.

Домик Мириам и ее пестуньи Нехушты стоял на краю поселения подле странноприимного дома на земле его, но, конеч-

но, отделенный от него широкой канавой и довольно высокой живою изгородью из гранатовых кустов, обвешанных в это время года золотисто-красными плодами. Гуляя с Нехуштой вечером в своем садике, Мириам услышала знакомый голос дяди своего Итиэля, окликнувший ее из-за изгороди.

– Что тебе угодно, дядя? – спросила Мириам.

– Я хотел только предупредить тебя, дитя мое, что благородный Марк, римский центурион, поселится в странноприимном доме на все время, пока будет нашим гостем! А потому не пугайся, увидев или услышав в этом саду или дворе воинов. Я буду жить здесь все это время, чтобы заботиться о нашем госте, который, как мне кажется, для римлянина весьма вежливый и приятный человек!

– Я ничуть не боюсь его, дядя, – сказала девушка, – мы с Нехуштой уже успели познакомиться с этим римским центурионом сегодня утром! – И она, слегка краснея, рассказала о своей встрече с Марком на иерихонской дороге.

– Ну, спокойной ночи, дитя мое, – проговорил старик, – завтра мы с тобой увидимся, а теперь пора на покой!

Мириам послушно вернулась в свою горницу и легла спать. Во сне все время видела она молодого римского сотника.

Встав поутру, Мириам принялась за свое любимое занятие – лепку из глины. Это давалось ей легко, она от природы имела дарование. Работы ее вызывали всеобщее удивление путешественников, заглядывавших в селение ессеев, и все-

гда раскупались. Вырученные деньги шли на поддержку бедных. Мастерскую служил небольшой тростниковый навес в саду у стены, где Мириам ежедневно проводила по нескольку часов и куда заходил ее старый учитель, теперь уже весьма преклонных лет. Под его руководством Мириам создала несколько художественных вещей из мрамора. Она теперь ваяла бюст дяди своего Итиэля в натуральную величину из обломка старой мраморной колонны, привезенной из развалин одного дворца близ Иерихона. Нехушта прислуживала ей. Вдруг чья-то тень заставила ее поднять глаза: она увидела дядюшку Итиэля и с ним молодого римлянина.

– Не смущайся, дочь моя, – начал старик, – я привел сюда нашего гостя, чтобы показать ему твою работу!

– Ах, дядя, взгляни на меня! Разве я могу показаться кому-нибудь в таком виде? – воскликнула Мириам, показывая мокрые руки и испачканное глиной платье.

– Смотрю и ничего решительно не вижу! – сказал старик. – Разве что-нибудь не ладно?

– Я тоже смотрю и восхищаюсь! – вступил в разговор Марк. – Хорошо, если бы мы чаще заставляли женщин за таким прекрасным занятием.

– Ты смеешься, господин, – возразила Мириам, – возможно ли восхищаться незаконченной работой новичка в искусстве? Ты ведь видел лучшие произведения великих греческих мастеров, о которых я только слыхала!

– Клянусь троном цезаря, госпожа, – воскликнул он горя-

чо. – Я не художник, но самый выдающийся художник нашего времени Главк не создал бы подобного бюста!

– О, конечно! – улыбаясь, сказала Мириам. – Главк помещался бы, увидев его!

– Да, от зависти! А что ты делаешь с этими произведениями искусства? – И он указал рукой на целый ряд работ, расставленных на полке под навесом.

– Я продаю их желающим, вернее, дяди мои продают их, а вырученные деньги идут на бедных!

– Не будет ли нескромно с моей стороны спросить, за какую цену вы их продаете?

– Иногда путешественники дают мне по серебряному сиклю, а за группу верблюдов с арабом-проводником я получила целых три сикля!

– Один сикль! Три сикля! О, я куплю их все! Нет, это просто грабеж! Ну а этот бюст, что он стоит?

– Это не для продажи, – сказала Мириам, – это мой скромный дар дяде, вернее, дядям, которые хотят поставить этот бюст в зале совета!

Вдруг счастливая мысль озарила Марка.

– Я пробуду здесь несколько недель, – сказал он, – не согласишься ли ты, госпожа, выполнить мой бюст такой же величины, и сколько это будет стоить?

– О, много, очень много! – отвечала девушка. – Мрамор здесь дорогой, да и резцы изнашиваются... Это будет стоить... 50 сиклей... Да, 50 сиклей! – повторила она неуверенно.

но.

– Я небогатый человек, – воскликнул Марк, – но охотно дам двести сиклей!

– Двести! – пробормотала Мириам. – Нет, это безумие! Я не могу, не смею взять такую сумму... Ты, господин, вправду будешь сказать, что попал к разбойникам, которые ограбили тебя... Нет, если мои дяди разрешат мне принять этот заказ и у меня хватит времени, я постараюсь сделать все, что могу, за 50 сиклей, но только я должна предупредить тебя, господин, что тебе придется просидеть немало часов, чтобы получилось хоть слабое сходство.

– Пусть так! Как только я снова попаду в какую-нибудь цивилизованную страну, я доставлю тебе столько заказов, что твои нищие превратятся в состоятельных людей. А пока я к твоим услугам! Начинай, госпожа, сейчас же, если тебе угодно!

– Я не имею разрешения, а без этого не смею приступить к такой работе!

– Совет кураторов должен решить, может ли она исполнить твоё желание, – вмешался Итиэль. – Но я не вижу ничего предосудительного в том, чтобы моя племянница начала лепить из глины твой бюст. Если совет не даст согласия, его можно уничтожить!

– Благодарю тебя, почтенный Итиэль, за твоё разрешение. Где прикажешь мне сесть, госпожа? Ты увидишь, я буду для тебя самой послушной моделью.

– Сиди здесь, господин, и смотри вот сюда, в мою сторону, если тебе благоугодно. Ну, вот так!

И сеанс начался.

Глава VIII

Марк и Халев

На другой день Итиэль, как и обещал, предложил совету решить, может ли Мириам принять заказ римского центуриона. Ессеи, по обыкновению, долго совещались, как всегда, когда дело касалось их возлюбленной питомицы, но разрешение приступить к работе дали с условием, что на сеансах будут присутствовать трое старейших братьев ессеев, в их числе престарелый учитель Мириам.

Таким образом, Марк, явившись в назначенный час в мастерскую, застал там трех седобородых старцев в белых одеждах, а позади их – темную фигуру Нехушты, приветливо улыбающуюся. При появлении Марка старцы поднялись и поклонились ему. И он отвечал низким, почтительным поклоном, затем приветствовал Мириам.

– Скажи мне, госпожа, эти почтенные отцы ожидают своей очереди стать моделями или же это критики? – спросил римлянин.

– Это критики, господин! – коротко ответила девушка, снимая мокрый холст с глыбы сырой глины и принимаясь за работу.

Так как старички сидели рядом в глубоких креслах, стоящих вдоль задней стены в глубине мастерской и вставать со

своих мест считали неудобным, то следить за ходом работы просто не могли. А между тем из-за привычки всех ессеев вставать до зари старичков, сидящих в этот жаркий полдень в тени навеса, невольно клонило ко сну. Вскоре все трое за-
снули крепким, блаженным сном.

– Посмотрите на них, – заметил Марк, – прекраснейший сюжет для художника!

Мириам сочувственно кивнула головой, взяла три куска глины и проворно слепила портреты трех спящих старцев и, когда те проснулись, показала им. Добродушные старички от души рассмеялись.

Каждый день сеансы повторялись, и славные старички-кураторы каждый день засыпали, так что молодые люди оставались, в сущности, наедине. Ничто не мешало их взаимному обмену мыслями и чувствами. Марк рассказывал молодой художнице о войнах, в которых принимал участие, о странах, которые он имел случай посетить; девушка же передавала ему различные подробности из своей жизни среди ессеев. Однажды разговор их коснулся религий. Марк имел возможность ознакомиться с различными верованиями как западных, так и восточных народов. Все они, видимо, не удовлетворяли его, не внушали большого уважения. Тогда Мириам решила изложить ему, как умела, главные основы новой религии – христианства, о котором в то время непосвященные имели лишь смутное представление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.